

Сухонин Петр Петрович

**Александр Семенович Шишков в
его литературной деятельности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П30

П30 **Петр Петрович С.**
Александр Семенович Шишков в его литературной деятельности / Сухонин Петр Петрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 44 с.

ISBN 978-5-519-75993-9

ISBN 978-5-519-75993-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ Комедій шумный рой.

Но кто же, въ наше время, назоветъ Баратынского первымъ элегическимъ Поэтомъ, станетъ находить необыкновенное въ стихахъ Дельвига, и приписывать Катенину славу *воскресителя Корнелля*, — хотя, конечно, каждый изъ нихъ принесъ свою долю пользы Русскому слову, и занялъ почетное мѣсто въ Исторіи нашей Словесности?

Приведемъ мнѣніе Пушкина о Ломоносовѣ :

«Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I-мъ и Екатериною II онъ одинъ является сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый Университетъ : онъ, лучше сказать, былъ самъ первымъ Университетомъ нашимъ. Но въ семъ Университетѣ Профессоръ Поэзіи и Элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не Поэтъ вдохновенный свыше, не Ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полу-Славянская, полу-Латинская, слѣлалась-было необходимостію; къ счастью, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народного слова.

«Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ Нѣмецкихъ Стихотворцевъ, давно забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на Словесность было вредное, и до сихъ поръ въ ней отражается Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своими одами и болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокаторжественные дни тезоименитства. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему Искусству, — объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ стихотворствѣ, не думаетъ. За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о Наукахъ и просвѣщеніи».

Эти не многія строки Пушкина произвели убѣжденіе, что Ломоносовъ вовсе не обладалъ даромъ поэтическаго творчества. Слова Пушкина стоять внимательнаго разбора; постараемся же разобрать каждое его слово, чтобы показать, въ какой мѣрѣ можетъ быть справедливо убѣжденіе, которое на нихъ опирается.

Пушкинъ говоритъ «въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія». Но если мы вспомнимъ оды Ломоносова, и не смотря на однородность предмета, сухость однообразной, условной формы, найдемъ въ нихъ возможное разнообразіе; если встрѣтимъ безчисленныя сравненія, согласныя съ духомъ того времени, обороты словъ совершенно неожиданные, картинныя изображенія Природы: то не можемъ не признать, что Ломоносовъ обладалъ сильнымъ воображеніемъ. Чтобы согласиться съ этимъ, не нужны примѣры исключительные: на всякой страницѣ сочиненій Ломоносова читатель встрѣтитъ слѣды его пламенной души, его непрерывнаго стремленія все анализировать, все воспроизвести, — встрѣтитъ слѣды его сильнаго, живаго воображенія, которое рисовало передъ нимъ громадныя образы, представляло живыми Природу, Искусство и даже вымыслы фантазіи. Въ подтвержденіе словъ своихъ мы приведемъ, на-примѣръ, что-нибудь изъ описанія побѣдъ Русскаго воинства, которое Ломоносовъ изображая въ видѣ исповѣданія, бѣгущаго по холмамъ, такъ продолжаетъ сравненіе:

Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещать,
И слѣдомъ дерева лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли
И бурей ярость презирали.

Такъ флотъ Россійскій въ понть дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,
Стеня отъ тягости судовъ.
Во слѣдъ за скорыми кормами
Спѣшитъ сѣдая пѣна рвами...

Или изображеніе царства любви :

Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами ;
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь. . . .

Струи прохладны обтекають
Усыпанный цвѣтами лугъ. . . .
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гонятъ, то себя манятъ,
То прямо другъ къ другу стремятся,
И слившись межъ собой журчатъ. . . .

Или обращеніе къ Живописцу, изображающему Россію:

Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
Какъ должно ей законы міру
И распрямъ предписать конецъ.
О коль изображеніе сходно,
Красно, любезно, благородно !
Великая промолви Мать
И повели войнамъ престать !

Въ этихъ стихахъ, написанныхъ за девяносто лѣтъ до нашего времени, можно ли отвергать силу воображенія ?

Мы не можемъ даже придумать основанія, на которомъ утверждался Пушкинъ, отвергая силу воображенія въ Ломоносовѣ. Однообразіе формы, которое только одно поддерживало бы это мнѣніе, не можетъ ему служить основаніемъ: потому что форма всегда дѣло произвола, и не доказываетъ ни силы творчества, ни его отсутствія. Она скорѣе доказываетъ степень эстетическаго вкуса въ Писателѣ, строгость его къ самому себѣ, наконецъ его поэтический тактъ, но никакъ уже не силу воображенія. Въ вѣкъ же Ломоносова однообразіе формы составляло отдѣльное схоластическое условіе: оды Ломоносова написаны подъ вліяніемъ этого условія, и потому не могли не быть однообразны въ формѣ.

Въ разсужденіи вопроса : есть ли чувство у Ломоносова, мы скажемъ, что не лзя требовать отъ человѣка, не юноши уже, а зрѣлаго мужа, стремительнаго пыла восторговъ, мечтательности страстей, и желаній и т. д. Да и не въ этихъ проявленіяхъ матеріальной жизни человѣка заключенъ источникъ истинной Поэзіи. Мы не отвергаемъ, что въ нихъ бываютъ минуты, восходящія до предѣловъ истинно-нравственнаго чувства и высокой страсти, и потому вызывающія себѣ поэтическое сочувствіе ; но какъ же ограничить немногими, исключительными въ жизни человѣческой минутами талантъ творчества, который стремится ко всему, что есть въ мірѣ прекраснаго и высокаго. И Пушкинъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ восходитъ до болѣе высшихъ стремленій человѣчества. Въ Ломоносовѣ сила его чувствъ выражается одою на многознаменательное, историческое событіе, вызывающее сочувствіе цѣлаго народа, или гимномъ Богу, псалмомъ, возбуждающимъ благоговѣніе предъ Создателемъ. У древнихъ Поэзія была ихъ вѣрованіемъ. Не ужели мы захотимъ отлучить ее отъ нашей святой Вѣры тогда, какъ въ ней она получаетъ новую жизнь, новые образы и даже новыя краски, мысли и выраженія ?

Нѣкоторыя изъ духовныхъ одъ Ломоносова исполнены глубокаго чувства теплой молитвы или благоговѣйнаго словословія. Намъ, можетъ быть, скажутъ, что эти святые мысли принадлежать не Ломоносову. Но въ чувствахъ Ломоносова отразились они съ полнотою, вызвавшею его вдохновеніе.

Пушкинъ обвиняетъ Ломоносова въ изысканности, высокопарности и надутости ; но это обвиненіе, слишкомъ преувеличенное и только въ немногихъ частностяхъ основательное, должно быть отнесено къ вѣку, въ который Ломоносовъ писалъ свои сочиненія. Можно ли обвинять его за то, что онъ былъ первый Писатель Русскій, который сталъ выраженіемъ своего вѣка, и въ сочиненіяхъ котораго, первый разъ, хотя и безсознательно со стороны Автора, отразилась жизнь того времени ?

Могъ ли Ломоносовъ, почти создавая языкъ, писать такъ, какъ послѣ писалъ Пушкинъ ? Да если бы и писалъ

такъ, онъ былъ бы не только не оцѣненъ, но даже и вовсе не понятъ современниками. Давно ли и Пушкина цѣнить по достоинству, давно ли печатались о немъ самые странные отзывы, самыя рѣзкія сужденія? А проза Пушкина и до сихъ поръ ждетъ еще себѣ добросовѣстной оцѣнки по ея достоинству; что же было бы, если бы Пушкинъ жилъ въ вѣкъ Ломоносова?

Далѣе, Пушкинъ находитъ въ Ломоносовѣ отсутствіе всякой народности. Важное обвиненіе въ устахъ нашего народнаго Поэта; но и съ нимъ мы не можемъ согласиться *безусловно*.

Отъ введенія въ Россію Христіанской Вѣры и даже до нашего времени, существовалъ и существуетъ въ Россіи церковный письменный языкъ. Происхожденіе его заключается въ переводѣ книгъ Св. Писанія; потомъ существованіе его обусловливается направленіемъ самой письменности, которая, уединяясь преимущественно въ монастыряхъ, не могла сблизиться съ народомъ и слѣдовать за развитіемъ устнаго, живаго нарѣчія. Впрочемъ, рядомъ съ церковнымъ языкомъ мы видимъ также и постепенное развитіе другаго письменнаго языка — юридическаго.

Церковный языкъ еще болѣе утвердился въ бѣдственные дни Татарскаго владычества. Угнетенные должны были находить себѣ утѣшеніе только въ Словѣ Божіемъ; междоусобія удѣльныхъ Княжествъ, терзая Россію всѣми ужасами безпорядка, не касались только святыхъ обителей: въ монастыряхъ существовалъ этотъ языкъ, оттуда онъ перешелъ и къ народу, который принялъ его, какъ завѣтъ, наслѣдованный имъ отъ славныхъ предковъ. Изученіе его слѣжалось необходимымъ для всякаго тогдашняго грамотѣя.

Не смотря на то, что существованіе этого языка было сначала совершенно условное, народность его утвердилась почти тысячелѣтнымъ существованіемъ, и онъ сталъ принадлежностію Исторіи народнаго слова. Хотя народъ говорилъ по своему, пѣлъ свои народныя пѣсни, скаывалъ свои сказки, нисколько не думая, что эти сказки слѣбуются достойными внимательнаго изученія, что въ этихъ пѣсняхъ потомки станутъ находить драгоцѣнные остатки нашей

отдаленной, родной Поэзіи; но онъ вѣрилъ въ необходимость письменнаго языка, который и сталъ народнымъ по своему всеобщему употребленію.

Въ послѣдствіи времени, въ этотъ письменный языкъ внесены были чуждые элементы: схоластика, образовавшая цѣлый рядъ Писателей съ направлениемъ Польскихъ Академій, и множество иностранныхъ Европейскихъ словъ вмѣстѣ съ новымъ образомъ жизни, съ новыми потребностями и понятіями, почерпнутыми изъ Западной Европы. Это испестрило рѣчь Русскую всевозможными чуждыми словами, большею частію вовсе не нужными, которыя замѣняли и часто изгоняли слова Русскаго языка. Впрочемъ, каждое изъ различій письменнаго языка имѣло вліяніе и на устную рѣчь, такъ что каждый классъ общества говорилъ своимъ нарѣчіемъ. Высшее общество, большой тогдашній свѣтъ говорилъ по-Нѣмецки, какъ теперь говорить по-Французски; Русскій же языкъ употреблялъ онъ испорченный Нѣмецкими, Французскими и Голландскими словами, выраженіями и оборотами. Подьячіе старались говорить языкомъ письменнымъ, юридическимъ; Духовные любили придерживаться языка церковнаго. Но вообще всѣ грамотные, можно сказать почти утвердительно, старались и въ разговорѣ показать свое знаніе языка письменнаго, условнаго, и такимъ образомъ вносили въ Русскую рѣчь начала чуждые и иногда не свойственныя ему. Не отсюда ли и родилась пословица: «говорить, какъ писать»?

Однакожь какъ теперь, такъ и тогда, эти чуждые, не-свойственныя нашему языку начала, употребляясь только въ отдѣльномъ кругу, дѣлались почти незамѣтными въ общемъ. Напротивъ того устный народный языкъ росъ и укрѣплялся чрезъ общее употребленіе, а Церковно-Славянскій языкъ являлъ все богатство письменнаго, обработаннаго въ продолженіе вѣковъ всѣми учеными, начиная отъ Свв. Кирила и Меѳодія.

Ломоносовъ строго и добросовѣстно изучилъ этотъ языкъ, и находя въ немъ красоты истинно-художественныя, онъ хотѣлъ въ своемъ слогѣ приблизить его къ народному.

Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ, по справедливости, признается преобразователемъ Русскаго языка.

Какъ же послѣ этого допустить въ сочиненіяхъ Ломоносова отсутствіе всякой народности, когда народный письменный языкъ, который составлялъ все тоглашнее литературное богатство Русскихъ, со временъ Ломоносова начинаетъ сливаться съ языкомъ народнымъ, устнымъ, чтобы составить съ нимъ одно общее цѣлое.

Все же остается упрекъ Ломоносову, зачѣмъ онъ, въ своихъ сочиненіяхъ, не вводилъ ни одного изъ основныхъ началъ Русской народной жизни и народной Поэзіи. Этому упреку, можетъ быть, отчасти содѣйствуетъ и самое происхожденіе Ломоносова. Понятно, что, не презирая никого изъ тѣхъ, кто былъ близокъ ему въ молодости, Ломоносовъ однакожь долженъ былъ отдѣлиться отъ нихъ своею ученостію. И онъ, гордясь тѣмъ, что, бывъ прежде рыбакомъ, сталъ потомъ опорою Русской Академіи, не могъ желать, чтобы въ сочиненіяхъ его видѣли его происхожденіе. Народныя пѣсни, къ которымъ Ломоносовъ прислушался съ дѣтства, могли ему казаться слишкомъ обыкновенными: намъ всегда кажется выше и лучше то, что стоило намъ большаго труда и изученія, нежели то, что мы узнали сами собою. И вотъ Ломоносовъ, безсознательно удаляясь отъ естественнаго изученія живой рѣчи народа, и тѣмъ удаляясь отъ первобытной, естественной простоты, необходимо покорился схоластическимъ правиламъ, давно уже теперь отринутымъ. Кто можетъ сказать о себѣ, что обстоятельства никогда не имѣли на него вліянія! Но упрекъ этотъ, относясь къ направленію, принятому Ломоносовымъ, нисколько не относится къ самому существу его дарованія.

Проза Ломоносова, полу-Славянская, полу-Латинская, какъ говоритъ Пушкинъ, дѣйствительно не сродна духу Русскаго языка. Длинные періоды, Нѣмецкая конструкція, сообщаютъ рѣчамъ Ломоносова какую-то принужденность и тяжеловатость. Но чтобы разяснить причины, почему Ломоносовъ писалъ такимъ складомъ, мы должны опять обратиться къ вѣку, въ которомъ онъ жилъ: это нужно намъ

тѣмъ болѣе, что вѣрная оцѣнка Ломоносова необходима при разборѣ сочиненій Шишкова, который постоянно на него указываетъ.

Вспомнимъ тогдашнія понятія, тогдашній взглядъ, школьное изученіе Цицерона, требованіе рабскаго подражанія ему въ ораторскихъ сочиненіяхъ; условныя понятія о Краснорѣчїи, которое признавалось такимъ только тогда, когда подходило подъ извѣстную форму, излагалось извѣстнымъ слогомъ. Таковы были понятія во всей Европѣ; въ Россіи же эти понятія еще болѣе обуславливались благоговѣйнымъ подражаніемъ иноземному, которое входило тогда въ частную жизнь нашу.

Кіевская Академія, гдѣ Ломоносовъ провелъ годъ, передала ему эти понятія за непреложныя правила, которыя могутъ привести къ истинному воспроизведенію прекраснаго; понятно, что Ломоносовъ, опираясь на нихъ, долженъ былъ стараться всѣми мѣрами приблизиться къ языку Цицерона. Русскій языкъ, тогда еще не установившійся, своею гибкостью и удобствомъ перемѣщенія словъ, давалъ Ломоносову полную возможность держаться даже оборотовъ, даже самаго склада рѣчи Цицерона; и Ломоносовъ, удаляясь отъ нихъ только въ случаѣ совершенной невозможности удержать ихъ, полагалъ, что онъ достигаетъ этимъ возможно близкой степени идеала, къ которому должно стремиться истинное Краснорѣчіе.

Тогда еще и не думали о существѣ и свойствахъ языковъ; только Ломоносовъ же и Тредьяковскій начали входить въ основанія, на которыхъ утверждаются правила Русской рѣчи. Но ихъ изысканія были еще далеки отъ возможности открыть законы правильнаго склада, требуемаго свойствомъ Русскаго языка, и отличія отъ склада другихъ языковъ. Въ послѣдствіи это суждено было пояснять Шишкову. И витійственная проза Ломоносова не удержалась: языкъ давно уже отбросилъ несвойственный ему складъ рѣчи, между тѣмъ какъ стихосложеніе Ломоносова останется навсегда памятникомъ его литературной дѣятельности. Но даже и эта, отринутая уже проза, принесла много

пользы языку, именно со стороны изученія его торжественности и его строгой отчетливости. Тамъ, гдѣ величавость слога необходима, гдѣ мысль должна излагаться съ полною отчетливостію и не оставлять никакихъ недомолвокъ, никакой неполноты или пробѣловъ, напримѣръ: въ официальныхъ рѣчахъ, а иногда и въ художественныхъ созданіяхъ, когда Авторъ намѣренъ произвести особое дѣйствіе торжественностію своего разсказа, изученіе Ломоносова будетъ истиннымъ путемъ къ приобрѣтенію указанныхъ данныхъ. Однимъ словомъ, Ломоносовъ и прозою своею обогатилъ языкъ, представилъ новые обороты, новое строеніе рѣчи, величавое и полное, которое хотя и отринуто въ цѣломъ, но сохранилось въ нѣкоторыхъ частностяхъ.

Замѣтимъ еще, что складъ прозы Ломоносова тяжелъ и слишкомъ близокъ къ Латинскому только въ рѣчахъ ораторскихъ, гдѣ онъ почиталъ себя обязаннымъ говорить такъ-называемымъ тогда *высокимъ* слогомъ; письма же его и многія изъ ученыхъ изслѣдованій написаны просто, свободно, образцово: ясное доказательство, что Ломоносовъ, поддѣлываясь подъ Латинскій складъ рѣчи, подчинялъ себя только тогдашнимъ условнымъ понятіямъ. И у Карамзина его приступъ въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II», — у Карамзина, который освободилъ языкъ, «обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова», который первый рѣшился сказать: «станемъ писать, какъ говоримъ», и у него, мѣстами, вы встрѣтите тѣ же условные обороты, то же витійство, и разумѣется ту же сухость, которые находимъ мы въ похвальныхъ словахъ Ломоносова. Но станемъ ли винить за то Карамзина? Нисколько! Писать похвальные слова такимъ, а не инымъ слогомъ, было непреложною обязанностію, которой долженъ былъ подчинить себя Авторъ. Таковы были тогда понятія, таковы правила, по которымъ Автора судили; не могъ же онъ вдругъ стать выше суда всѣхъ, и отринуть условія, которыя казались непреложными даже и въ вѣкъ Карамзина. Можемъ ли же мы требовать, чтобы Ломоносовъ, воспитанный схоластическою ученостію, отбросилъ эти правила и создалъ новое искусство, новый взглядъ на него,

взглядъ такъ рѣзко противорѣчащій тому вѣку и тому обществу, въ которомъ онъ жилъ.

Пушкинъ указываетъ еще на мнѣнія самого Ломоносова, который болѣе дорожилъ своими химическими опытами, чѣмъ своими стихотвореніями. Но это доказываетъ только ту истину, что Поэты, истинные Поэты, не всегда бываютъ истинными цѣнителями поэтическихъ созданий, тѣмъ болѣе своихъ собственныхъ. Говорятъ, и Байронъ полагалъ, что главная и важнѣйшая сторона его жизни не сочиненія его, а дипломатическія статьи, которыми онъ старался возбудить Грековъ противъ Турецкаго Правительства; говорятъ, будто Петрарка не дорожилъ советами своими, а дорожилъ своими Латинскими стихами; давно ли и Гоголь отрекся отъ своихъ сочиненій, которыя однакожь и теперь читаются съ прежнимъ удовольствіемъ; да и самъ Пушкинъ говоритъ, что Баратынскаго должно поставить выше «пѣвца Пенатовъ и Тавриды».

Конечно, по внутреннему чувству своего поэтического таланта, стремясь къ истинной художественности, Пушкинъ не могъ не отвергать напыщенности и изысканности, которыя непріятно поражали его въ сочиненіяхъ Ломоносова. Пушкинъ замѣтилъ также и сухость презы Ломоносова, не свойственный Русскому языку складъ рѣчи въ его похвальныхъ словахъ, и потому, не находя въ сочиненіяхъ его той естественности и простоты, которыя составляютъ необходимое условіе истинно-прекраснаго, вѣчно художественнаго, отвергаетъ поэтическій талантъ Ломоносова и говоритъ, что онъ не Поэтъ.

Но Писателя не лзя судить только по общему взгляду на эстетически-прекрасное; нужно принять во вниманіе и историческое значеніе вѣка, въ который онъ писалъ свои сочиненія; а мы видѣли здѣсь вѣкъ, въ который жилъ Ломоносовъ. Пушкинъ самъ это понималъ очень хорошо, и потому окружалъ имя Ломоносова уваженіемъ, какъ имя великаго чловѣка, поборника нашего просвѣщенія, образователя нашего Университета. Пушкинъ, по свидѣтельству Критика, на котораго мы уже ссылались, не